

Наталья Александровна КЛАДОВА¹

УДК 82.31

ФУНКЦИЯ ОБРАЗА СТАВРОГИНА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

¹ кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка и литературы,
ОЦ «Forward-school» (г. Москва)
natakladova@rambler.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу функции образа Ставрогина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Этот анализ привел нас к мысли о том, что основная сюжетная линия определяется не общественно-политическим содержанием; в произведении есть глубокий нравственно-философский подтекст. Поэтому статья дополняет традиционную трактовку идеи романа Достоевского, связанную с реалиями исторического времени, позволяет несколько иначе, нестандартно посмотреть на художественную мысль автора.

В работе показывается, что событийная линия, скрепляющая сюжет в единое смысловое целое, связана с неоднократной попыткой героя создать семейный союз. Ни одна из семей не состоялась: ни с Марьей Лебядкиной, ни с Марией Шатовой, ни с Лизой, ни с Дашей Ставрогин не смог духовно соединиться. Наиболее подробно мы рассматриваем эпизоды отношений Николая с Марьей Тимофеевной, поскольку они насквозь пронизаны евангельскими аллюзиями, которые подтекстово указывают на внутреннюю сущность героя — его духовную нищету, неспособность принять Христа как нравственный центр существующего мира. Образ сына Лебядкиной — явная аллюзия на Того, Кто подарил человечеству надежду на спасение. Николай духовно отрекается от рожденного свыше, а значит, отвергает Христа. Кроме того, как отца Ставрогина замещает другой герой — Шатов.

Семью как таковую Николай воспринимал с позиций земных законов, для него была скрыта сакральная, православная сущность семейного союза. Это отразило глубокую

Цитирование: Кладова Н. А. Функция образа Ставрогина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / Н. А. Кладова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 3. С. 131-139.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-131-139

внутреннюю драму Ставрогина и — шире — драму общества, в представлении Достоевского.

Ключевые слова

Литература, художественный текст, Достоевский, роман «Бесы», Ставрогин, художественный образ, семья.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-131-139

Введение

Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» хорошо исследован с точки зрения отражения в произведении реальной исторической действительности, подробно рассмотрены и описаны образы «социалистических» бесов. Б. Н. Тарасов, например, писал о гиперболизации и пародировании Достоевским новых веяний общественной жизни [9, с. 12]. Ф. А. Степун доказывал, что Достоевский «тщательно вычерчивал свою метафизику революции» [8, с. 367]. Проанализировав построение сюжета, мы пришли к мысли: очень продуктивно будет посмотреть на него под иным, нестандартным углом. Задача настоящей статьи — показать, что основная событийная линия связана не с революционными хлопотами Петра (этот герой появляется только в конце первой части, причем о его политических замыслах еще не идет речи); при этом сущность умонастроения революционной молодежи выражена преимущественно в отдельных высказываниях героев. Мы предприняли попытку проанализировать «Бесов» не как эпическое повествование о крупном историческом событии или значимой исторической эпохе, а как роман, основной сюжетный стержень которого — обреченные на неудачу попытки Николая Ставрогина обрести семью. Это отразило отсутствие духовно-нравственных основ в нем и — шире — в социалистической модели общества¹.

Основная часть

Образ Ставрогина в литературоведческих работах часто характеризуется — с позиций христианского мировидения — как противоречивый в своей внутренней сущности.

В. И. Земскова отмечает: «Сходство Ставрогина с Христом подобно искаженной мелодии... Вроде аллюзии все евангельские, а получается не Евангелие, а анти-Евангелие, и проступают черты не Христа, а какого-то анти-Христа, антипода Христу» [5, с. 58]. Другой исследователь, В. К. Кантор, видит языческие аллюзии, противопоставляющие героя Христу (параллели Ставрогина со Стенькой Разиным) [6, с. 84-85]. О. И. Владимирская показывает, что образ Ставрогина совмещает в себе и Божественное начало, и начало бесовское; скрываясь под масками Христа и антихриста, по мысли исследователя, этот образ

¹ О разладе, отраженном в речи, то есть о распаде диалогических отношений героев, см. интересную статью О. А. Спиригиной [10, с. 134].

воплощает в себе суть трагического в романе [1, с. 134]. Сложная, противоречивая внутренняя сущность героя всецело определяет его «логику» действий.

Изучение подготовительных материалов к «Бесам» показывает, что сюжетная основа произведения изначально мыслилась Достоевским как любовные «поиски» Степана Трофимовича, а потом — Николая Ставрогина.

«ИТАК, ВЕСЬ ПАФОС РОМАНА В КНЯЗЕ, он герой. Все остальное движется около него, как калейдоскоп» [3, с. 136]. Другая запись: «ВОПРОС: Обдумать отношение Князя с женщинами и примирение с Шатовым» [3, с. 174]. В финале романа, по первоначальному замыслу, Князь и Воспитанница должны были соединить свои судьбы [3, с. 98].

Работая над образами «бесов», Достоевский не раз указывает в черновиках на то, что основная идея, которую революционерам нужно разрушить в народных умах, — идея семьи [3, с. 79-80]. По замыслу социалистов, общество должно устраиваться на «новых экономических основаниях, артелями, оттого распадется и семейство» — запись в подготовительных материалах к роману [3, с. 263]; фаланстера в заметках писателя становится зловещим символом разрушения родственных связей. В уста Степана Трофимовича предполагалось вложить следующие слова: «Ведь народ не может же принять вашу программу: уничтожение собственности, личности, Бога и семейства» [3, с. 104]. В окончательном тексте «заседание» у Виргинского провозгласило безнравственность заповеди почитания отца-матери, поскольку это не способствует обогащению, как должно быть, согласно тексту Священной книги [4, с. 308].

Мы полагаем, все сюжетные эпизоды «Бесов» скрепляет одна событийная линия, отражающая усилия Николая Ставрогина и других, активно ему помогающих, создать семью. Развращенная натура героя породила четыре варианта.

Первый — состоявшийся законный брак с Марьей Тимофеевной Лебядкиной. Состоялся он по следующим причинам: 1) «после пьяного обеда, из-за пари на вино»; 2) «по страсти к мучительству», «по сладострастию нравственному»; 3) «по некрасивости», то есть желанию «искалечить как-нибудь жизнь, но только как можно противнее» [3, с. 20]. При этом заключался брак женихом, уже находившимся в грехе прелюбодеяния. Ставрогин сам без стеснения разъясняет, что три квартиры нужны ему были для подлой интриги — свести при свидетелях даму и ее горничную, которых он принимал [3, с. 12-13]. Кроме того, в третьей квартире он развратом довел до самоубийства Матрешу. Однако греховное заключение брака героем столкнуло его с невестой чистой, духовно просветленной...

Образ Хромоножки несколько загадочен, героиня произносит странные высказывания. Однако эти высказывания глубоко символичны в структуре романа. Так, в разговоре с Шатовым героиня неожиданно говорит: «И все больше о своем ребеночке плачу...» [4, с. 117], поясняя причину слез: «...Родила я его, а мужа не знаю» [4, с. 117]. Вспомним, что на предсказание Ангела о рождении сына Дева Мария отвечала: «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» [Лк. 1:34].

Ставрогин категорично заявляет, что у Лебядкиной «не было ребенка и быть не могло: Марья Тимофеевна девица» [4, с. 194]. Сомневаются в действитель-

ности рождения ребенка и Шатов с Хроникером. Однако в евангельском повествовании девичество не есть свидетельство невозможности появления ребенка. Сын Марьи Тимофеевны рожден светлым духом матери, поэтому он — метафорически Тот, Кто одухотворил, искупил грешный мир, даровал земному существованию людей высший смысл. Николай духовно отрекается от этого ребенка, а значит, отрекается от рожденного в Божественном мире и незримо присутствующего в нашем мире Христа. Шатов также сомневается в чуде рождения: «А что коли и ребенка у тебя совсем не было и все это один только бред, а?» [4, с. 117]. Однако далее сюжет развивается так, что у жены Шатова, которую также зовут Мария, — уже в действительности — рождается ребенок от Ставрогина. Николай не допустил в своем сознании факта рождения младенца, но младенец *все равно* появился на свет, потому что Христос *все равно* в нашем мире есть, по вере Достоевского. Иначе выражаясь, рождение Ивана — это послание людям о высшем, истинном смысле их бытия. Мать совершила грех прелюбодеяния с отцом, хулящим Бога, — и появился сын, дарующий всем шанс на искупление. Шатов цепляется за этот шанс. Если в разговоре с Хромоножкой герой сомневался в реальности существования ее ребеночка, тем самым отвергая Христа, сейчас он принимает Христа: прощая жену, совершившую грех прелюбодеяния, признает своим генетически не его ребенка; то есть Шатов замещает Ставрогина в роли отца, называя новорожденного *своим* сыном. Герой оказался способным взять на себя ответственность родства. Однако в мире «бесов», лишенном духовно-нравственного центра, благородный поступок карается: именно рождение сына нивелировало бдительность Шатова, что помогло «пятерке» осуществить кровавый замысел.

Бесы «победили» Христа... Ставрогин, как мы показали выше, предает Христа дважды (отрекаясь от одного ребеночка, а также не зная и, очевидно, не желая знать о другом; во всяком случае, его «место» отца заняли). И третий предаст... в себе самом, кончив жизнь самоубийством. Не случайно в главе «У Тихона» Николай сформулирует свою главную цель, а Тихон его поддержит:

«— Слушайте, отец Тихон: я хочу простить сам себе, и вот моя главная цель, вся моя цель! — сказал вдруг Ставрогин с мрачным восторгом в глазах. <...>

— Если веруете, что можете простить сами себе и сего прощения себе в сем мире достигнуть, то Вы во все веруете! — восторженно воскликнул Тихон» [3, с. 27-28].

А на замечание Ставрогина о том, что Христос не прощал соблазнившего «единого от малых сих», Тихон убеждает: «Он простит за намерение и страдание Ваше великое...» [3, с. 28]. Ставрогин не прощает себя, более того, старается изо всех сил быть еще грешнее. И евангельскую цитату он вспоминает совсем не случайно: ведь эта Божественная истина, истолкованная по-ставрогински, избавляет его от необходимости идти в крестный путь покаяния и очищения! Р. Мазель так характеризует душевное состояние Ставрогина во время посещения им Тихона: «Вот оно, адское отчаяние, казалось бы, сгоревшего в страстях человека. Бог создал его и его коснулся, хоть в нем нет

веры. Тем страшнее, ибо нет надежды на Божье милосердие» [7, с. 38]. Без этой надежды легче жить, ибо нет духовной пытки — и нет ответственности перед собой и перед другими. Есть только пустота существования, тоска сиротства.

Обратим внимание на слова Кириллова о вечной гармонии, сказанные в связи с рождением Ивана: «Я думаю, человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что в воскресении не будут родить, а будут как Ангелы Божии. Намек. Ваша жена родит?» [4, с. 450-451]. В Евангелии читаем: «Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» [Мтф. 22:30]. Однако для того чтобы вырвать человека из греховного земного плена, Бог завещал людям соединяться любовными узами, должныими быть воплощением союза Христа с Церковью [Еф. 5:22-32] и, соответственно, дарующими ощущение духовной родственности всех людей на земле. Ставрогин смотрит на свои «союзы» с женщинами только с позиций земного жизнеустроения. Заметим, это же относится и к Варваре Петровне, и к Петру Верховенскому, и к Лизе, да и ко всем «бесам» романа. Господь, кроме того, послал в мир своего Сына; дело каждого человека — духовно принять его. Именно в этом контексте следует воспринимать слова Марьи Тимофеевны о своем ребеночке, которого отрицает Ставрогин, и факт рождения Ивана, которого принимает как сына Шатов.

В романе Ставрогин духовно предаёт не только сына (причем дважды), но и мать. Происходит это в разговоре с Тихоном:

«— Я на Вас смотрел и припоминал черты лица Вашей родительницы. При несходстве внешнем много сходства внутреннего, духовного.

— Никакого сходства, особенно духовного. Даже со-вер-шенно никакого! — затревожился опять, без нужды и не в меру настаивая, сам не зная почему, Николай Всеволодович. — Это Вы говорите так... из сострадания к моему положению и вздор, — брякнул он вдруг» [3, с. 8].

Метафорически сын отрекается от матери, но и мать в финале романа отрекается от сына. После смерти Степана Трофимовича Варвара Петровна увозит Софью Матвеевну к себе, в Скворешники:

«— Все вздор! я сама буду с тобой ходить продавать Евангелие. Нет у меня теперь никого на свете!

— У Вас, однако, есть сын, — заметил было Зальцфиш.

— Нет у меня сына! — отрезала Варвара Петровна и — словно напроорочила» [4, с. 507]. Дело не только в том, что она напроорочила, в духовном смысле сына у нее не было никогда. Попытка воссоединения сына с матерью (после полученного Дашей письма Николая, в котором он «зовет» и «ждет» ее, она решает ехать, и Варвара Петровна с ней) обрывается самоубийством сына. Мир осиротел. И это стало духовной драмой каждого.

По развращенности натуры Ставрогиным мог быть заключен и третий союз — с Лизой. Герой признается в желании «совершить двоеженство» [3,

с. 23]. Но, по совету Даши, он «бежал». Даша — та, которая предотвратила новый грех Ставрогина духовным наставлением. Бегство Николая, отметим, стало серьезным препятствием для Варвары Петровны, желавшей союза сына с Лизой по денежному расчету. Такой союз оказался бы греховным вдвойне: грех прелюбодеяния сына умножался на грех накопительства матери. Мать, не зная того, способствовала проявлению извращенной натуры сына; она закрыла для него возможность возрождения. О союзе Николая и Лизы очень хлопочет в политических целях (привязать Ставрогина к себе) и Петр Верховенский, полагая, что Николаю это действительно нужно.

Единственно возможный негреховный союз — союз Николая с Дашей: между ними теплились отношения духовной поддержки, которую, однако, Николай не способен принять. Варвара Петровна же всеми силами пытается препятствовать этому союзу, собираясь выдать Дашу за Степана Трофимовича — того человека, который любит саму ее, Варвару Петровну.

В разговоре Николая с Дашей автор четко обозначил роль героини в союзе с Николаем, если бы этот союз состоялся: «Никогда, ничем Вы меня не можете погубить, и сами это знаете лучше всех, — быстро и с твердостью проговорила Дарья Павловна. — Если не к Вам, то я пойду в сестры милосердия, в сиделки, ходить за больными, или в книгоноши, Евангелие продавать. Я так решила. *Я не могу быть ничьей женой*; я не могу жить и в таких домах, как этот. Я не того хочу...» (курсив наш. — Н. К.) [4, с. 229-230]. Она не может быть женой в земном, плотском понимании этого слова, она та жена (Женственность), которая заключает в себе одухотворяющее мир начало. Поэтому в финале романа ирреально возникает образ возможной семьи (возможной, то есть той, которая, во-первых, может состояться; во-вторых, может существовать в Божием мире).

Заключение

Итак, из семьи «Марья Тимофеевна и Ставрогин» герой себя устраняет, убеждая всех в конце первой части в том, что Марья Тимофеевна ему не жена (за эту ложь от Шатова получает пощечину). В семье «Марья Шатова, Иван и Ставрогин» Ставрогина замещает Шатов; в семью «Даша и Ставрогин» он даже не пытается войти, устраняя себя навсегда. Семья «Лиза и Ставрогин» сначала не состоялась усилиями Даши, а потом обоим (Лизе и Ставрогину) хватило честности признаться друг другу в неспособности на любовно-духовные отношения. Ни одна семья не собралась: главным героем двигало желание «изломать» свою судьбу, отяготить себя грехом, который невозможно искупить; союзы заключались не только не на любовном основании, но и при абсолютной погруженности жениха в свое «я».

Все действия Ставрогина, обусловленные его внутренней «изломанностью», сюжетно организуют общественно-политическое содержание романа, выстраивают художественный мир в единое целое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирская О. И. О возможных мотивах изъятия главы «У Тихона» из романа «Бесы» Ф. М. Достоевского / О. И. Владимирская // Русская речь. М., 1990. № 4. С. 130-134.
2. Горбачевский Ч. А. Ставрогин как собственный палач: к типологии самоубийства в произведениях Ф. М. Достоевского / Ч. А. Горбачевский // Актуальные проблемы коммуникативистики в условиях глобализации информационного пространства. Челябинск, 2010. С. 67-72.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. Л.: Наука, 1974. Т. 11. 417 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 522 с.
5. Земскова В. И. Евангельские и былинные сюжеты в романе «Бесы» / В. И. Земскова // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб., 2009. № 26. С. 54-62.
6. Кантор В. К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского / В. К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2010. 422 с.
7. Мазель Р. О всех и за вся / Р. Мазель. М.: Волшебный фонарь, 2006. 191 с.
8. Степун Ф. А. «Бесы» и большевистская революция / Ф. А. Степун // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица, 1991. С. 365-376.
9. Тарасов Б. Н. Вечное предостережение / Б. Н. Тарасов // Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в 3 частях / Ф. М. Достоевский. М.: Современник, 1993. С. 5-26.
10. Spiryagina O. A. Monologue Character of Compositionally Expressed Dialogues in the Novels Demons by F. M. Dostoevskii and Klim Samgin's Life by M. Gor'kii / O. A. Spiryagina // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2. С. 131-135.

Natalia A. KLADOVA¹

UDC 82.31

**FUNCTION OF STAVROGIN'S IMAGE
IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "DEMONS"**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Lecturer
of Russian Language and Literature,
Forward-School (Moscow)
natakladova@rambler.ru

Abstract

This article analyzes the function of the Stavrogin's image in the novel by F. M. Dostoevsky "Demons". This analysis led us to the idea that the main storyline is not determined by the socio-political content; there is a deep moral and philosophical subtext in the work. Therefore, the article complements the traditional interpretation of the idea of Dostoevsky's novel related to the realities of the historical time; it allows to look at the artistic thought of the author in a somewhat different, non-standard way.

This work shows that the event line, which binds the plot into a single semantic whole, is associated with the hero's repeated attempt to create a family union. None of the families succeeded, with neither Maria Lebedkina or Mary Shatova or Lisa, or Dasha — Stavrogin was not able to connect spiritually with any of them. In detail, we analyze the episodes of the relationship of Nikolai and Marya Timofyevna, because they are thoroughly imbued with the gospel allusions that indicate the internal essence of the hero, his spiritual poverty, the inability to accept Christ as the moral centre of the existing world. The son of Lebyadkina is the metaphorical "One" who gave the world hope for salvation. Nikolai spiritually renounces his rebirth, and therefore renounces the invisible presence of Christ in the world. In addition, as a father figure, Stavrogin is replaced by another hero — Shatov.

The family is perceived by Nikolai from the standpoint of earthly laws, while the sacred was hidden for him — the Orthodox essence of the family union. This reflected the deep inner drama of Stavrogin and — more broadly — the drama of society, in the view of the writer Dostoevsky.

Citation: Kladova N. A. 2018. "Function of Stavrogin's Image in F. M. Dostoevsky's Novel 'Demons'". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 3, pp. 131-139.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-131-139

Keywords

Literature, literary text, Dostoevsky, novel "Demons", Stavrogin, artistic image, family.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-131-139

REFERENCES

1. Vladimirskaia O. I. 1990. "O vozmozhnykh motivakh izyatiya glavy 'U Tikhona' iz romana 'Besy' F. M. Dostoevskogo" [About the Possible Motives for the Withdrawal of the Chapter "At Tikhon's" from the Novel "Demons" by Dostoevsky]. *Russkaya rech*, no 4, pp. 130-134. Moscow.
2. Gorbachevskiy Ch. A. 2010. "Stavrogin kak sobstvenny palach: k tipologii samoubiystva v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo" [Stavrogin as His Own Executioner: To the Typology of Suicide in the Works of F. M. Dostoevsky]. *Aktualnye problemy kommunikativistiki v usloviyakh globalizatsii informatsionnogo prostranstva*, pp. 67-72. Chelyabinsk.
3. Dostoevsky F. M. 1974. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works] in 30 vols. Vol. 11. Leningrad: Nauka.
4. Dostoevsky F. M. 1974. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works] in 30 vols. Vol. 10. Leningrad: Nauka.
5. Zemskova V. I. 2009. "Evangel'skie i bylinnye syuzhety v romane 'Besy'" [Evangelical and Epic Plots in the Novel "Demons"]. In: *Dostoevsky i mirovaya kultura: Almanakh*, no 26, pp. 54-62. Saint Petersburg.
6. Kantor V. K. 2010. "Sudit Bozhyu tvar". *Prorocheskiy pafos Dostoevskogo* ["To Judge a God's Creature". The Prophetic Pathos of Dostoevsky]. Moscow: ROSSPEN.
7. Mazel R. 2006. *O vsekh i za vsya* [About All and for All]. Moscow: Volshebnyy fonar.
8. Stepun F. A. 1991. "'Besy' i bolshevistskaya revolyutsiya" ["Demons" and the Bolshevik Revolution]. In: *Russkoe zarubezhe v god tysyacheletiya kresheniya Rusi*, pp. 365-376. Moscow: Stolica.
9. Tarasov B. N. 1993. "Vechnoe predosterezhenie" [Eternal Warning]. In: *Dostoevsky F. M. Besy: Roman v 3 chastyakh*, pp. 5-26. Moscow: Sovremennik.
10. Spiryagina O. A. 2012. "Monologue Carter of Compositionally Expressed Dialogues in the Novels Demons by F. M. Dostoevskii and Klim Samgin's Life by M. Gor'kii". *Philological Sciences. Theory and Practice*, no. 2, pp. 131-135.